

*Н.А. Аленко***Российско-японские отношения на Сахалине
и Петербургский договор 1875 г.**

Ключевые слова: акватория, территориальное разграничение, промыслы, колонизация, договор, граница, таможенные пошлины, дипломатическая победа, государственные интересы, сельдочный тук, попутный налоговый сбор, аборигены, браконьерство.

Key words: enterprise, Sakhalin's coastal zone, fishers (business man), government, diplomatic act.

Проблема современных экономических отношений Российской Федерации и Японии в промысловой акватории Охотского моря, в том числе у побережья о. Сахалин, является актуальной в наши дни. Здесь добывается основная часть морепродуктов, пользующихся большим спросом как на российских, так и японских рынках. В то же время российский континентальный шельф Японского и Охотского морей привлекает многочисленных браконьеров, ведущих там незаконный лов рыбы, крабов и других морских животных. При этом местом сбыта незаконно добытых морепродуктов являются близлежащие японские морские порты. В связи с этим сегодня вполне очевиден факт экономического влияния Японии на состояние дальневосточной промысловой акватории России. Важно заметить, что в течение достаточно длительного исторического периода морские промыслы у берегов российского Дальнего Востока являлись приоритетным направлением японской внешнеэкономической политики.

Во второй половине XIX в. отношения России с Японией носили мирный характер при сохранении принципа взаимного невмешательства во внутренние дела. Фактически Россия являлась единственной из великих держав, соблюдавшей нейтралитет в ходе реставрации Мэйдзи и гражданской войны в Японии. Источником постоянных конфликтов с Японией до середины 70-х гг. XIX в. являлась неразрешенность проблемы территориального разграничения. Согласно Симодскому трактату 1855 г., Сахалин был объявлен неразделенным между Россией и Японией. Для России этот остров, открытый русскими землепроходцами еще в XVII в., приобретал все большее значение как оборонительный рубеж и опорная база для русского флота. Немаловажным фактором было и наличие на острове богатых месторождений угля, потребность в котором с развитием морского пароходства все возрастала [1, с. 279].

Интерес японцев к Сахалину стимулировался главным образом наличием обильных рыбных запасов. Они рассматривали о. Карафуто [樺太 – японское название о. Сахалин. – Н.А.] как естественное северное продолжение родного архипелага. После того, как оба

государства основали на острове опорные пункты, была достигнута договоренность о совместном владении этой территорией. Однако это не устраивало ни одну из сторон [2, с. 108].

В сентябре 1870 г. на заседании российского правительства министр иностранных дел князь А.М. Горчаков (1798–1883), основываясь на донесениях генерал-губернатора Восточной Сибири о серьезном упрочении русских позиций на юге о. Сахалин, высказал мнение «твердо придерживаться курса на восстановление прав России на полное и исключительное обладание» всем островом. Тогда же 6 сентября 1871 г. Александр II официально утвердил этот курс. Русскому генеральному консулу в Японии была направлена составленная в этом духе инструкция. В июне 1871 г. такая же инструкция была дана командиру портов в Восточном океане военному губернатору Приморской области контр-адмиралу А.Е. Кроуну (1823–1900). По пути в Приморскую область ему было поручено зайти в Хакодате и заверить японского губернатора в том, что Россия совершенно не стремится к захвату каких-либо японских владений и опровергнуть измышления на этот счет английского и других иностранных представителей в Японии. «Как вам известно, – говорилось в инструкции. – Мы далеки от стремления к завоеваниям в ущерб государства, в котором мы желаем иметь сильного и самостоятельного соседа; к тому же такие завоевания возможны были бы только при условии порабощения народа, что потребовало бы усилий и пожертвований, слишком значительных сравнительно с выгодами, которые могло бы доставить обладание частью японской территории. Мы ищем только установления прочного естественного рубежа, исключающего возможность пограничных недоразумений, а таковым только и может быть Лаперузов пролив» [3, с. 266].

Советник японского правительства, американский генерал Ч. Лежанр, увидев, что Япония не сможет отстаивать свои претензии, представил японским министрам записку, отмечавшую бесплодность всех попыток колонизовать южную часть о. Сахалин японцами, в то время как Россия успешно заселяла остров, опираясь на соглашение 1867 г. с Японией. Ч. Лежанр должен был признать, что Россия не собирается нападать на Японию и даже не имеет для этого сил на Тихом океане, а заинтересована только в том, чтобы Япония не была орудием враждебной России английской политики. Он советовал японскому правительству поскорее отказаться от посягательств на Сахалин, чтобы успеть

еще получить за это «приличное вознаграждение» от российского правительства в виде денежного выкупа, а затем сосредоточить свои силы на заселение о. Хоккайдо и на проникновение в Корею [3, с. 267].

В феврале 1874 г. японское правительство назначило своим первым чрезвычайным и полномочным посланником в Россию Такэаки Энмото (1836–1908), в инструкции которому впервые было указано, что японское правительство готово отказаться от Сахалина. Но Япония отстаивала факт японского многолетнего владения почти половиной острова, поэтому Россия должна была передать ей Курильские о-ва севернее о. Уруп и обеспечить режим максимального благоприятствования на рыбных промыслах [4, с. 278–279; 3, с. 266].

Правящие круги Японии были отвлечены от Сахалина агрессивной политикой в южном направлении. Российский посланник в Токио К.В. Струве писал: «... их тянет в другую сторону, на Люкийские острова, на Формозу и, быть может, даже на южную часть Корейского полуострова», где они рассчитывали на успех колонизации [5, с. 135].

В результате, в Санкт-Петербурге посланником Т. Энмото и министром иностранных дел А.М. Горчаковым 25 апреля (7 мая) 1875 г. был подписан договор об обмене Сахалина на Северные Курильские острова. Поскольку Россия в то время не была в состоянии отстоять свои права на Курильские о-ва и Южный Сахалин одновременно, в соответствии с договором она была вынуждена пойти на передачу Японии исконно русской территории – восемнадцать Курильских островов – в обмен на официальный отказ Японии от ее притязаний на Сахалин. Граница между двумя государствами в этом районе устанавливалась через пролив между мысом Лопатка на полуострове Камчатка и о. Шумшу. Жители указанных территорий могли вернуться в свое отечество или остаться на месте, сохраняя свободу вероисповедания, права собственности и промыслов при условии принятия подданства и подчинения законам соответствующего государства. Россия выплачивала Японии компенсацию за 194 здания на Сахалине в сумме 74 тыс. 63 иен и за движимое имущество в сумме 19 тыс. 814 иен [4, с. 79; 6; 7, с. 229–230].

Японские судовладельцы получили право без уплаты портовых и таможенных пошлин в течение 10 лет посещать порт Корсаков на юге Сахалина, где учреждалось консульство Японии. Японским купцам, рыбопромышленникам и судам предоставлялся режим наибольшего благоприятствования в портах и водах Охотского моря и районе Камчатки. По оценке американского историка А. Малоземова, договор 1875 г. в значительной мере препятствовал возможности русского экспорта рыбы в Японию [8, р. 8].

К вышеупомянутому договору в Токио 10 (22) августа 1875 г. была принята дополнительная статья, регулировавшая права российских и японских лиц, остающихся на местах своего проживания. В августе

1875 г. в Токио состоялся обмен ратификационными грамотами.

Что касается оценки МИД России русско-японского договора 1875 г., то она была довольно высока, так как российское правительство рассчитывало на улучшение внешнеторговых отношений с Японией после решения сахалинской проблемы. Уступка Курильских островов не рассматривалась как серьезная, поскольку правительство Российской империи недоценило их стратегическое значение. Японское правительство, в свою очередь, считало договор своей дипломатической победой, так как фактически это был первый для Японии равноправный договор с иностранной державой на пути к отмене ансейских договоров [4, с. 80; 9, с. 12].

Однако востоковед В.В. Кожевников отмечает, что японская общественность считала этот договор незаконным, оскорбительным, мошенническим. Высказывались мысли о том, что по сравнению с Сахалином Северные Курильские о-ва обладали гораздо меньшей ценностью, что это был обмен «японской территории на японскую территорию» [4, с. 80; 10, с. 106]. Такой же точки зрения придерживались японские исследователи Ц. Тогава и С. Накамура. С. Накамура отмечал, что японские газеты упрекали правительство Мэйдзи в слабости и энергично нападали на Т. Энмото за несостоятельную дипломатию. Энмото, руководствуясь собственными представлениями о государственных интересах Японии, умышленно затягивал ход переговоров, действуя вопреки инструкциям японского МИД, которое, по его мнению, было излишне мягким по отношению к России [7, с. 227–230; 11, с. 113; 13, с. 23; 12, с. 24–25].

В то же время известный японский писатель и публицист Симэй Футабатэй (1864–1909) писал: «Общественное мнение бурлило. Чувства, которые таились во мне с раннего детства, чувства человека Реставрации, закипели во мне. Публичное негодование по поводу договора и мои чувства слились в единое. В конце концов, я решил, что величайшая опасность для будущего Японии – Россия». С. Футабатэй полагал, что наступит день, когда Япония будет сражаться с Россией [10, с. 106; 11, с. 113].

Российский посланник в Японии К.В. Струве писал по этому поводу в сентябре 1875 г., что «отчасти из неуместного тщеславия перед другими державами, отчасти из опасения нареканий со стороны печати и оппозиции, т.е. недовольных самураев», японское правительство не решалось отказаться от этих претензий иначе как за вознаграждение [5, с. 136].

Тем не менее значение сахалинских промыслов для Японии возрастало с каждым годом. Буржуазные преобразования реставрации Мэйдзи положили начало интенсивному развитию этой отрасли японской экономики. В 1882 г. по инициативе правительства в Токио при министерстве земледелия было создано Японское общество рыболовства. К середине 80-х гг. XIX в. рыбные промыслы японцев на Сахалине занимали уже

90-вёрстную прибрежную полосу в заливе Терпения. Следует отметить, что в эти же годы началось постепенное экономическое проникновение японских предпринимателей в пределы российских территориальных вод: по материковому берегу Татарского пролива до низовьев Амура и далее по охотско-камчатскому побережью.

Важность сахалинских промыслов для Японии состояла не только в том, что они давали японским предпринимателям 0,3 млн руб. ежегодного дохода. Главным образом они способствовали значительному повышению урожайности рисовых полей страны за счёт повсеместного применения селедочного тука, который при отсутствии необходимого земельного фонда играл исключительно важную роль. При этом уместно заметить, что продовольственная проблема в Японии в результате роста населения к этому времени достигла предельной остроты. Только за период с 1882 по 1898 г. её население увеличилось на 6,5 млн чел. (на 17,4%), что в значительной мере обостряло продовольственную проблему Японии. Другой причиной было то, что на протяжении многих лет самоизоляции прибрежные воды страны активно эксплуатировались японскими рыбаками и были предельно истощены [14; 15, с. 128; 16, с. 241].

Необходимо отметить, что до 1881 г. никакого надзора за промыслами японцев у российского побережья не было. Японские рыбопромышленники осуществляли безналоговый лов рыбы, добыв за этот период в сахалинских водах 9714,2 т рыбы. Только в 1880 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин (1833–1900) утвердил правила рыбной ловли, согласно которым японские рыбаки были обязаны с 1881 г. платить установленный налог. Сумма этих пошлин была несоизмерима со стоимостью добытой рыбы. Тем не менее, несмотря на мизерный попудный налоговый сбор, японские рыбаки в 1881–1882 гг., согласно сведениям А.Т. Мандрика, не доплатили в российскую казну 60 тыс. руб., а в 1883 г. внесли пошлин только на сумму 550 руб. [17, с. 216; 18, с. 154].

Сведения о пошлинах,
оплаченных японскими рыбопромышленниками
за выловленную рыбу в сахалинских водах
в 1885–1889 гг. (руб.)

Годы	Сумма
1885	4.814
1886	6.875
1887	9.661
1888	10.637
1889	13.002

Таблица составлена по: Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию 1921 г. – Владивосток, 1922. – С. 217–218.

Российское правительство принимало меры к охране дальневосточного побережья Тихого океана от браконьерской деятельности иностранцев. Однако крейсерская служба отдельных военных судов была недостаточной и носила несистематический характер. Действия российских военных крейсеров в рамках предоставленных им прав не могли привести к прекращению браконьерских промыслов. Плавание, сопряженное с риском столкновения со льдами Охотского и Берингова морей, было зачастую неэффективным, а случайно задержанные зарубежные зверобои рисковали только потерей своего судна. Эти обстоятельства с успехом использовали японские браконьеры и торговцы.

Вопреки тому, что Сахалин принадлежал России, японцы вели себя там как хозяева этой земли, внушая аборигенам острова айнам, что они – японские подданные. Зачастую они спаивали туземцев, перегораживали сетями сахалинские речки, обрекая аборигенов на голод. Вследствие этого сахалинские айны и орочи были вынуждены наниматься к японским рыбопромышленникам для выполнения тяжёлых работ. За сезонную работу с апреля до октября туземцы получали от японцев товары на мизерную сумму от 3,5 до 4,5 иен. В 1879 г., чтобы привлечь к себе туземцев в качестве рабочих, японский предприниматель Никамбуро открыл в с. Маука завод для приготовления рисовой водки [19].

В этом же году в этом же селении, невзирая на заявления российского предпринимателя Г. Демби, японцы самовольно сожгли его промысловые постройки и склады. Кроме того, все попытки Г. Демби нанять на свои промыслы рабочих из числа айнов, даже за вдвойне большую цену, закончились в 1879 г. неудачей. Г. Демби не мог нанять туземцев даже для заготовки дров для своего дома и был вынужден покупать дрова у японцев. Это объяснялось тем, что японцы запугивали айнов расправой самураев. Они незаконно запрещали аборигенам отдавать своих детей в русские школы. Японцы без всякого разрешения российских властей рубили сахалинский лес, заготавливали бревна и дрова, самовольно возводили постройки. Необходимо отметить то, что большую часть японцев, прибывавших на Сахалин, составляли лица без документов, принадлежавшие по своему социальному статусу к несостоятельным авантюристам, бродягам и криминальным элементам. Посетивший Приморскую область чиновник Министерства земледелия России К.А. Скальковский писал, что «японцы распоряжаются на о. Сахалин как на своем собственном острове без дозволения местной администрации» [20, с. 97].

В 1883 г. японское правительство обратилось к правительству России с просьбой об отдале в аренду на 10 лет японским подданным всех рыболовных участков на восточном берегу Сахалина с уплатой 3 тыс. долл. в год. Однако это предложение было отклонено российским правительством под предлогом его несоответствия интересам местного населения. С 1885 г. японские

рыбопромышленники, ведущие промысел у побережья России, на основании закона, принятого правительством России, стали платить 5-копеечную пошлину с каждого пуда выловленной рыбы (см. табл.).

Тем не менее, объем выловленной ими рыбы увеличивался и в 1886–1890 гг. составил 15479,6 т. Успешной рыбопромышленной экспансии японцев во многом способствовала экономическая политика, проводимая русскими властями, сводившая контроль за эксплуатацией рыбных богатств края к налогообложению иностранных предпринимателей. В 1884, 1890, 1894 гг. российское правительство официально объявляло об увеличении налога на японских рыбопромышленников, арендовавших рыболовные участки на Сахалине. Однако эти меры вызывали сильный протест в Токио, что угрожало серьезным осложнением международных отношений между Россией и Японией. Поэтому решение данного вопроса отдавалось на откуп военному губернатору Сахалина и японскому консулу в Корсакове. В результате их переговоров размеры пошлинных ставок (попудного сбора) на протяжении

этих лет существенно не изменялись. Такое положение дел вполне устраивало японскую сторону и в то же время оттягивало назревавший межгосударственный конфликт [17, с. 217; 21, с. 285; 18, с. 156].

Таким образом, русско-японский договор 1875 г. предоставил японскому капиталу благоприятные возможности для проникновения в экономику Дальнего Востока. Японские рыбопромышленники широко использовали право беспошлинно ловить и вывозить рыбу с Сахалина. Они вели бесконтрольную хищническую добычу лососевых в устье Амура и других местах Тихоокеанского побережья России. Русские рыбопромышленники, будучи вынуждены платить высокие таможенные сборы, не могли конкурировать с японскими предпринимателями и разорялись. Японский капитал внедрялся также в китобойный промысел, добычу крабов, морских котиков. К концу XIX в., когда численность котиков значительно снизилась, а их добыча стала невыгодной для европейцев, на смену им устремились японские дельцы, для которых из-за дешевизны рабочих рук этот промысел был очень прибыльным.

Библиографический список

1. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М., 1991.
2. Лотар, Д. Кунст и Альберс Владивосток. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924) / Д. Лотар. – Владивосток, 2002.
3. Нарочницкий, А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895 гг. / А.Л. Нарочницкий. – М., 1956.
4. Кожевников, В.В. Российско-японские отношения в XVIII–XIX вв. / В.В. Кожевников. – Владивосток, 1997.
5. Международные отношения на Дальнем Востоке. – М., 1973. – Кн. 1.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 1385. – Оп. 1. – Д. 927. – Л. 2–4.
7. Накамура, С. Японцы и русские: из истории контактов / С. Накамура; пер. с яп. – М., 1983.
8. Malozemoff, A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904 / A. Malozemoff. – Berkeley; Los-Angeles, 1958.
9. Молодяков, В.Э. Истории Японии. XX век / В.Э. Молодяков, Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарян. – М., 2007.
10. Кожевников, В.В. И любовь, и презрение. Особенности восприятия японцами России в XVIII–XX вв. // Россия и АТР. – №1. – Владивосток, 1993.
11. Тогава, Ц. Образ России в Японии накануне и после реставрации Мэйдзи / Ц. Тогава // Россия и АТР. – №1. – Владивосток, 1993.
12. Лазарев, А. Президент самурайской республики / А. Лазарев // Япония сегодня. – №6. – М., 2005.
13. Подалко, П.Э. Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX вв. / П.Э. Подалко. – М., 2004.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 398. – Оп. 75. – Д. 198. – Л. 180об. Справка о японских рыбных промыслах на о.Сахалин за 1889–1890 гг.
15. Министерство иностранных дел. Сборник консульских донесений. Год третий. – СПб., 1900. – Вып. 2.
16. Вестник рыбопромышленности. – №5–6. – СПб., 1906.
17. Доклады Приморской окружной торговой-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию 1921 г. – Владивосток, 1922.
18. Мандрик, А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока / А.Т. Мандрик. – Владивосток, 1994.
19. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 694. – Л. 7–10. Донесение командира 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона от 25 апреля 1979 г.
20. Скальковский, К.А. Русская торговля на Тихом океане. Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Кореи, Китае, Японии и Калифорнии / К.А. Скальковский. – СПб., 1883.
21. Григорцевич, С.С. Экспансия иностранного капитала на русский Дальний Восток в начале 20 века / С.С. Григорцевич // Учёные записки Томского государственного педагогического института. – Томск, 1955. – Т. 14.